УДК: 81-115

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.4.40

**ТЕКСТОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА
(НА ПРИМЕРЕ БАСНИ ЭЗОПА «ЛЕВ И МЫШЬ»)**

© М. А. Николанди

*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
Россия, 117485 г. Москва, ул. Академика Волгина, 6.*

Тел.: +7 (962) 902 47 54.

Email: nikolaidimaria1@gmail.com

В связи с актуализацией такого направления исследований, как межкультурный трансфер, в современной лингвистике остро встает вопрос о том, как иноязычные тексты заимствуются другой культурой. В данной статье на примере басни Эзопа «Лев и мышь» предпринимается попытка проследить текстовые преобразования в процессе межкультурного трансфера. В качестве материала исследования взяты варианты басни «Лев и мышь» Эзопа, Федра и Бабрия (в переводе М. Л. Гаспарова), а также басни Лафонтена, Л. Н. Толстого и И. А. Крылова.

Благодаря тому, что И. А. Крылов по-своему интерпретировал изначальный сюжет и посыл басни, изменив ее сюжет, а также наделил ее персонажей специфическими языковыми характеристиками и создал образ автора, близкого читателю, ему удалось создать уникальный текст, который воспринимается русскими читателями как собственный историко-культурный феномен.

Ключевые слова: басня, текстовые преобразования, межкультурный трансфер, адаптация, интерпретация, жанровая трансформация.

В современной лингвистике актуальность получило такое направление исследования, как межкультурный трансфер, под которым понимается культурологический подход, в рамках которого исследуются не только сами культурные элементы, заимствованные в процессе межкультурной коммуникации, но и «их встраивание в новую культурную систему с учетом возможной трансформации в процессе реализации трансфера» [1, с. 25].

Основными способами межкультурного трансфера являются процессы адаптации и интерпретации текстов культуры, понимаемые соответственно как «приспособление текста к условиям его функционирования» [2, с. 20] и переосмысление и «дописывание» текста, основанное на комплексе структурных и смысловых характеристик исходного текста [3, с. 8].

Адаптация и интерпретация происходят как на уровне плана выражения, так и на уровне плана содержания текста культуры. В первом случае речь идет о заменах одних языковых единиц другими, во втором – об изменениях в структуре текста (частичной трансформации сюжета) и в его содержательных единицах и концептах (образах персонажей) оригинала.

Объектом данной статьи является текст и его преобразования в процессе межкультурного трансфера. В качестве материала для анализа использована оригинальная басня Эзопа «Лев и мышь» и ее текстовые варианты, принадлежащие античной и русской культурам. В качестве античных вариантов басни привлечены тексты древнеримского поэта-баснописца Федра и древнегреческого баснописца Бабрия, прославившихся стихотворным переложением басен Эзопа. Кроме этого в ходе анализа ис-

пользовался текст басни Лафонтена, так как именно его варианты басен наиболее известны в западной культуре.

Данное исследование предполагает выход в междисциплинарную область и работу на стыке лингвистики, литературоведения и культурологии. Особый интерес для исследователя представляет тот факт, что оригинальный текст и его заимствования в русской культуре отделены друг от друга не только культурной, но и временной дистанцией. В то же время эта культурная дистанция имеет специфический характер: российская и греческая культуры, благодаря многовековым экономическим, политическим и религиозным связям, имеют сходную систему ценностей, однако их культурные традиции различаются, что проявляется, в частности, в текстуальном воплощении басенного содержания. На примере басни «Лев и мышь» можно проследить их различия.

Известно, что на русский язык басню «Лев и мышь» переводили многие писатели, среди которых наиболее известны произведения Л. Н. Толстого и И. А. Крылова. Во всех этих случаях мы имеем дело с вторичными текстами, сохраняющими, однако, с текстом-основой (басней Эзопа) единство внутренней формы, отражающейся в форме и содержании произведений: «В соответствии с принятым определением вторичные тексты являются производными речевыми произведениями, которые генетически связаны с текстом-основой, т.е. сохраняют внутреннюю форму, в определенной степени соответствующую первичному тексту; в процессе функционирования вторичные тексты соотносятся с текстом-основой (происходит постоянное соизмерение степени соответствия их внутренней формы),

в результате чего выявляются значимые смысловые приращения производного текста. Соотнесение текста-основы и его деривата позволяет акцентировать внимание как на чертах сходства, так и на чертах различия речевых произведений, именно сочетание данных черт определяет область подобия между сопоставляемыми лингвистическими единицами или фазами изменения одной и той же текстовой единицы» [4, с. 15].

Литературный вариант И. А. Крылова наиболее органично был встроен в русскую культуру, став не просто переводом оригинальной басни, но полноправным достоянием русской басенной культуры: «Его притчи – достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа» [5, с. 165].

Цель данной статьи – проследить, как менялся текст басни «Лев и мышь» в процессе трансфера в русскую культуру, сравнить между собой варианты античных и русских текстов и попытаться объяснить, чем вызваны отличия крыловского варианта басни от оригинала с точки зрения лингвистики и почему именно этот вариант стал достоянием русской культуры.

Басня «Лев и мышь» входит в состав основного эзоповского сборника и в широко используемом перечне басен Эзопа – индексе Перри – находится под номером 150. Варианты этой басни также встречаются у Бабрия и Федре. Сюжет эзоповой басни предельно прост: нечаянно разбудившая Льва Мышь просит отпустить ее, аргументируя это тем, что позже она сможет отблагодарить за это грозного зверя. Несмотря на то, что Лев не верит ей, он поступает благородно и сохраняет ей жизнь. Позд-

нее Мышь действительно спасает жизнь Льву, перегрызая веревку, которой охотники привязали его к дереву. Мораль басни формулируется следующим образом: порой судьба меняется так, что даже слабый способен спасти сильного.

Сравним античные варианты басни в табл. 1 (все переводы выполнены М. Л. Гаспаровым).

Как видно в табл. 1, язык античных вариантов басен прост и лаконичен. Басня Эзопа лишена специфических средств выразительности, что делает ее максимально открытой для любой интерпретации. Басни Эзопа и Федре написаны прозой и по структуре максимально близки друг другу: обе басни представляют собой короткий повествовательный отрывок с вынесенной в финал моралью. Образы Льва и Мыши в них собирательные; прямая речь встречается лишь ближе к концу – Мышь, спасая жизнь Льву, выражает авторский смысл, представляющий мораль басни.

Несколько отличается от них басня в версии Бабрия. Во-первых, она написана в стихотворной форме, халиямбом – шестистопным ямбом со спондеем или трохеем на последней стопе. В греческой литературе это малоупотребительный размер, изобретенный древнегреческим поэтом Гиппонактом и активно используемый в творчестве поэта Каллимаха [8]. Во-вторых, в ней гораздо более образный язык: Бабрий использовал койне с элементами ионийского диалекта. В-третьих, Бабрий значительно усложнил образную систему басни, наделив Льва и Мышь персонифицированными чертами и углубив мотивацию их поступков.

Таблица 1

Сопоставление античных вариантов «Лев и Мышь»

Эзоп	Бабрий	Федр
<p>У спящего льва по телу пробежала мышь. Лев проснулся, схватил ее и готов был сожрать; но она умоляла отпустить ее, уверяя, что еще отплатит добром за свое спасение, и лев, расхохотавшись, отпустил ее. Но случилось так, что немного спустя мышь и в самом деле отблагодарила льва, спасши ему жизнь. Попался лев к охотникам, и они привязали его веревкой к дереву; а мышь, слышав его стоны, тотчас прибежала, перегрызла канат и освободила его, сказав так: «Тогда ты надо мною смеялся, словно не верил, что я смогу отплатить тебе за услугу; а теперь будешь знать, что мышь умеет быть благодарной».</p> <p>Басня показывает, что порой при переменах судьбы даже самые сильные нуждаются в самых слабых [6].</p>	<p>Лев собирался пойманную съесть мышку. Но та, воришка, близкий свой конец чуя, С такою обращается мольбой к зверю: «Охотой на оленей и быков тучных Тебе, о лев, пристало утолять голод; А моего ты даже на губах вкуса Не ощутишь. Ах, пощади меня лучше: Мала я, но воздать тебе добром в силах». Лев, рассмеявшись, отпустил ее с миром. А вскоре лев к охотникам попал в петли И, оступившись, был опутан весь сетью: (Уж он не чаял выйти из беды целым). Тогда скользнула мышка из своей норки, Перекусила зубками узлы петель И выпустила льва на белый свет снова, Достойной за пощаду отплатив платой.</p> <p>[Значенье басни ясно для людей умных: Будь беднякам защитником, и сам верь им: Ведь даже льва от гибели спасла мышка] [7].</p>	<p>Возле льва, заснувшего в лесу, резвились полевые мыши, и одна из них нечаянно пробежала по нему. Разбуженный лев быстрыми когтями схватил несчастную мышку. Та стала просить пощады: ведь она провинилась нечаянно. Лев, подумав, что если он убьет ее, то грех совершит, а славы не приобретет, простил ее и отпустил. Немного дней спустя лев попался в западню и, не в силах вылезти, стал реветь. Как только мышь это услышала, она прибежала. Узнав пленника, она сказала: «Я не была твоего доброго дела», – и стала бегать по сети, перекусывая веревки и выпуская хитрую снасть. Так пленного льва мышка вновь отпустила в лес на свободу.</p> <p>Пусть никто не поднимает руку на слабых [7].</p>

Эзоп не трактует образ Льва как символ власти, на передний план выходит только его сила. Важным становится не социальное или иерархическое различие между персонажами, а их физические характеристики и положение в жизни. Важно отметить, что в культуре древних греков судьба играла большую роль. Для ее обозначения использовались слова *αἵμα* и *μοῖρα* («часть», «доля»), позднее персонифицированные в образах богинь судьбы – мойрах, одну из которых звали Айса. Таким образом, мы видим, что речь в эзоповой басне идет не только о противопоставлении силы и слабости, но и о переменчивости судьбы и невозможности предугадать ее.

Близок эзоповой басни вариант Федра. Основное отличие состоит в том, что римский баснописец добавляет в текст мотивацию поступка Льва: *Лев, подумав, что если он убьет ее, то грех совершит, а славы не приобретет, простил ее и отпустил*. Если Лев в басне Эзопа отпустил мышь только потому, что его рассмешило ее предположение о том, что она когда-нибудь сможет ему помочь, то Федр значительно усложняет его образ, объясняя его поступок не просто сиюминутным и несколько высокомерным порывом, но и моральным выбором (Лев судит об убийстве как о грехе, который он не хочет на себя брать). Также Федр конкретизирует мораль басни: баснописец говорит не только о переменчивости судьбы, а о необходимости покровительствовать слабым и не использовать свою силу во вред.

Оригинальной предстает интерпретация Бабрия: в ней появляется и социальный подтекст, и кардинально переосмысляются поступки персонажей. Если у Эзопа и Федра вина Мыши состояла в том, что она нечаянно разбудила Льва, то у Бабрия Мышь – это законная добыча льва, а ее просьба ко Льву – отчаянная попытка спасти свою жизнь: *Лев собирался пойманную съесть Мышку / Но та, ворюшка, близкий свой конец чуя / С такою обращается мольбой к зверю*. Мышь не просто рассказывает льву о пользе, которую она в дальнейшем сможет ему принести, но вызывает к его самолюбию и тщеславию, называя себя слишком недостойной для такого сильного зверя добычей: *Охотой на оленей и быков тучных / Тебе, о Лев, пристало утолять голод*. Таким образом, вместо оппозиции «сильный-слабый» мы имеем гораздо более сложное противопоставление «сильный и тщеславный – бедный и изворотливый». Социальный подтекст басни проявляется не только в том, что слабые вынуждены льстить и изворачиваться ради спасения своей жизни, но в морали басни, в которой автор прямым текстом пишет о том, что в образе мыши выступает не любой слабый человек, а именно бедняк. Таким образом, в басне Бабрия окончательно исчезает мотив переменчивости судьбы и взаимосвязи между людьми сильными и слабыми и появляется социальный подтекст и призыв защищать слабых.

В несколько упрощенном варианте эта басня звучит у Лафонтена (дословный перевод наш – М. Н.): *Мы должны, насколько можем, наставлять всех: Нам часто нужен кто-то меньше, чем вы сами. Об этой истине расскажем басню. Между лап Льва из земли появилась Крыса. Царь зверей пощадил ее, и это добро не было забыто.*

Однажды случилось так, что этот Лев попался в сети,

И рев его был бесполезен.

Но Крыса прибежала и перегрызла сети.

Терпение значит больше, чем сила или ярость [9].

Французский баснописец не дает мотивировок поступков персонажей, а то, что Лев отпустил крысу, объясняется благородством и добротой.

На русском языке эзопову басню адаптировали Л. Н. Толстой и И. А. Крылов. Л. Н. Толстой сохраняет особенности оригинальной басни, представляя практически ее прямой перевод:

Лев спал. Мышь пробежала ему по телу. Он проснулся и поймал ее. Мышь стала просить, чтобы он пустил ее; она сказала:

– Если ты меняпустишь, и я тебе добро сделаю.

Лев засмеялся, что мышь обещает ему добро сделать, и пустил ее.

Потом охотники поймали льва и привязали веревкой к дереву. Мышь услышала львиный рев, прибежала, перегрызла веревку и сказала:

– Помнишь, ты смеялся, не думал, чтобы я могла тебе добро сделать, а теперь видишь, – бывает и от мыши добро [10, с. 17–18].

Писатель сохраняет прозаическую форму эзоповой басни, сюжетную канву и стиль Эзопа, лишенный художественных средств выразительности, однако опускает авторскую мораль, оставляя ее только в финальной реплике Мыши. И. А. Крылов в своей басне «Лев и мышь» 1833 г. кардинально переосмысливает басню, представляя содержание совершенно иначе, чем в оригинале, расставляя акценты и по-своему интерпретируя образы.

Изменения начинаются с сюжета: в отличие от существовавших до него вариантов басен в варианте И. С. Крылова Мышь не будит спящего льва и даже не становится его законной добычей. Мышь обращается ко льву с просьбой поселиться рядом с ним, обещая со своей стороны возможную помощь. Их неравенство ярко подчеркивается и самим образом Мыши (*просила ... смиренно позволения*), и содержанием ее речи, в которой она вынуждена прибегнуть к лести и восхвалению льва (*Хотя-де здесь, в лесах / Ты и могуч и славен / Хоть в силе Льву никто не равен / И рев один его на всех наводит страх*). В словах Мыши звучит древнегреческий мотив об изменчивости судьбы и невозможности предугадать будущее (*Но будущее кто угадывать возьмется / Как знать, кому в ком нужда доведется?*). Реакция Льва на ее слова гораздо более эмоционально окрашена: он не просто высмеивает

Мышку, но и оскорбляет ее и даже угрожает смертью, т.к. уже в одной такой просьбе видит непопустительную дерзость, ставя себя много выше Мыши: *Ты! – вскрикнул Лев, – Ты, жалкое создание / За эти дерзкие слова / Ты стоишь смерти в наказанье* [11, с. 202].

Крылов не просто показывает противопоставление силы и слабости, но говорит о ярких их проявлениях. В его интерпретации власть, выраженная в образе Льва, тесно связана с гордостью, кичливостью и жестокостью, а слабость – со страхом и несправедливым угнетением. В этом выражен яркий социальный подтекст: в образе Льва баснописец выводит власть имущих, в то время как в образе Мыши – кроткий народ, несправедливо терпящий притеснения, т.к. в отличие от эзоповой Мыши этот персонаж И. С. Крылова даже нечаянно не провинился перед Львом. С такой разницей в интерпретациях содержания конфликта связано и кардинальное различие финала басни: Мышь в тексте больше не появится, а Льва, пойманного охотником в сети, никто не спасет. Однако нельзя трактовать образ Льва однозначно как жестокого и властного правителя; помимо жестокости в нем присутствуют и ум, и позднее раскаяние. Именно будучи пойманным, вспоминает он о том, что Мышь могла бы его спасти, и понимает, что его погубила собственная гордыня. Можно сказать, что басня И. А. Крылова является вторичным текстом интерпретирующего типа, который создается «на базе текста-основы с целью семантического преобразования его содержания в соответствии с позицией автора» [4, с. 7].

Несмотря на такую разницу в сюжетах и интерпретации поступков персонажей, мораль басни И. А. Крылова ближе к смыслу басни Эзопа, чем остальные из существующих в культуре варианты: *Не попусту в народе говорится / Не плюй в колодезь, пригодится / Воды напиться*. Как и древнегреческий баснописец, И. А. Крылов говорит о переменчивости судьбы и о том, что любой, даже самый незначительный и ничтожный по твоему мне-

нию человек, может помочь в трудную минуту. Это позволяет нам предположить, что, проанализировав известные ему варианты басни, в качестве текстосновы, И. А. Крылов выбрал басню Эзопа. В таком случае, помимо языковых и семантических трансформаций, оригинальный текст был подвергнут и жанровой трансформации из прозаической формы в стихотворную.

В отличие от оригинала текст Крылова обладает специфическим языковым стилем, характерная черта которого – «отсутствие в нем самоповторений» [12, с. 181]. Баснописец использует все многообразие русского языка, смешивая лексические и грамматические формы разных стилей для достижения максимальной точности и экспрессивности: «Крылов, переплавив разнородные элементы устной народной речи, создал из них „общерусский“ поэтический стиль басни, близкий к народной словесности» [13, с. 241]. Характерные черты такого стиля – смешение книжной и просторечной лексики не только в речи персонажей, но и в речи автора, благодаря чему он становится таким же полноправным персонажем своих басен.

В басне «Лев и Мышь» Крылов активно использует просторечную лексику, тем самым делая текст ближе и понятнее простому народу, (*завесть, отсель*) и фразеологические обороты (*со всех пустилась ног, простыл ее и след, даром не прошла <...> гордость эта*). Формулируя мораль басни, Крылов использует народную поговорку «Не плюй в колодезь – пригодится воды напиться».

Сравнивая между собой разные вторичные варианты, написанные на основе оригинального текста басни Эзопа «Лев и Мышь», мы пришли к выводу, что простота и лаконичность содержания и формы оригинального текста становятся причиной разных его интерпретаций.

Таблица 2

Сопоставление произведения Эзопа и поздних вариантов басни «Лев и Мышь»

Основание для сопоставления	Эзоп	Лафонтен	И. А. Крылов
Мотивация поступков героев	Не выражена	Не выражена	Лев угрожает Мыши из жестокости и осознания своей силы и безнаказанности
Аксиологическое содержание	Порой судьба меняется так, что даже слабый способен спасти сильного	Иногда помощь приходит от того, кто гораздо слабее	Власть может граничить с жестокостью, гордыней и самонадеянностью и угнетать слабых и беззащитных
Жанр и форма текста	Басня в прозаической форме	Басня в стихотворной форме	Басня в стихотворной форме
Стилистика текста	Нет специфических средств художественной выразительности, есть прямая речь одного из героев	Нет специфических средств художественной выразительности, нет прямой речи	Активно употребляются разговорные и просторечные слова, фразеологизмы, поговорки, есть диалог между героями
Мораль текста	Выражена в финале: <i>порой при переменах судьбы даже самые сильные нуждаются в самых слабых</i>	Выражена в финале: <i>терпение значит больше, чем сила или ярость</i>	Выражена в финале: <i>Не плюй в колодезь, пригодится / Воды напиться</i>

Одна и та же басня в разных редакциях, переводных сборниках получает разное идеологическое преломление и моральную интерпретацию, иногда с коренным смещением аспекта наставления. Большинство авторов, создавших свой вариант басни, делали акцент на мотивации поступков ее персонажей, значительно углубляя и усложняя их образы и придавая им персональные характеристики. По совершенно иному пути пошел И. А. Крылов, создав не только русскоязычный вариант эзопового текста, но и уникальную авторскую басню, прочно вошедшую в сознание русского читателя и ставшую достоянием русской культуры. Значительно изменив сюжет, И. А. Крылов по-другому расставляет акценты, сосредоточивая читательское внимание не на взаимовыручке персонажей, а на моральной оценке их действий, «наказывая» Льва, чей образ является воплощением жестокой гордой силы.

Значительным является также тот факт, что И. А. Крылов создает уникальный басенный язык, характерной чертой которого становится активное использование просторечных слов и выражений, фразеологических оборотов, эмоционально окрашенных слов, пословиц и поговорок. Именно благодаря такому языку, приближенному к языку народа и имеющему афористический потенциал, басня «Лев и Мышь» И. С. Крылова легко освоена несколькими поколениями русских читателей, и именно этот ее вариант по праву считается достоянием русской культуры. Напротив, для басни Эзопа характерна «компрессия» и сжатие. Движение действия почти всегда одноактно и, как правило, представлено одним-единственным эпизодом, достаточным для реализации нравственного урока.

В современной Европе фигура Эзопа и его тексты также представляют художественный и научный интерес. В 2002 г. была опубликована книга Н. Хольцберга "The Ancient Fable: An Introduction", в которой ученый, сравнивая между собой разные варианты басен, исследует историю басни как жанра. В современной Греции Эзоп является одним из самых популярных авторов. Его басни регулярно издаются как для взрослых читателей, так и в переложениях для детей. Так, например, в 2013 г. вышло иллюстрированное издание «135 басен Эзопа» [14], а в 2020 г. был издан сборник эзоповых басен с комментариями филолога Дионисиоса А. Троваса [15].

Краткость повествовательной формы и лаконичность языка, лишенная специфических средств выразительности, присущие оригинальному тексту, содержат в себе потенциал для множества вариантов и трактовок. В процессе заимствования текст не просто подвергается переводу, но и приспосабливается к историко-культурным реалиям языка-реципиента. Именно это приспособление, выраженное в процессах адаптации и интерпретации, позволяет читателям воспринимать текст не как переводной, а как принадлежащий их языку.

Сравнивая между собой басни Эзопа «Лев и мышь» и созданный на его основе И. А. Крыловым вторичный текст «Лев и мышь», а также варианты басни Федра и Бабрия и их переводы на русский язык, мы можем сделать вывод, что в процессе трансфера художественный текст проходит следующие стадии изменений:

1. Выбор текста-основы (в данном случае И. А. Крылов опирался на басню Эзопа, также учитывая ее другие варианты).

2. Жанровая трансформация (из прозы в стихотворную форму).

3. Семантическая интерпретация и связанные с ней сюжетные трансформации (другой финал басни, необходимый автору для обоснования морали басни и расставленных им смысловых акцентов).

4. Интерпретация текста-основы на уровне персонажей (И. А. Крылов в образе Льва выводит не просто сильного человека, а человека, пользующегося своей силой для унижения слабых и беззащитных).

5. Адаптация текста-основы к языку-реципиенту, выраженная в лингвистических трансформациях текста, а именно использованием живого разговорного языка, эмоционально окрашенных и разговорных слов, фразеологизмов и пословиц, что придает тексту национальный колорит.

В случае с баснями Эзопа специфика межкультурного трансфера заключается в том, что оригинальные тексты автора не сохранились, а дошли до нас в пересказе. Между написаниями текстов Эзопа и И. А. Крылова пролегает большая временная дистанция, поэтому русский баснописец столкнулся со следующей задачей: ему предстояло не только адаптировать исходный текст к российским реалиям, но и придать всемирно известному тексту, переведенному на многие языки мира, уникальность и яркий национальный колорит. Благодаря тому, что И. А. Крылов по-своему интерпретировал изначальный сюжет и посыл басни, изменив ее сюжет, а также наделил ее персонажей специфическими языковыми характеристиками и создал образ автора, близкого читателю, ему удалось создать уникальный текст, который воспринимается русскими читателями как собственный историко-культурный феномен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лобачева Д. В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Серия 3: Литературоведение. 2010. №8. С. 23–27.
2. Дьякова А. А. Интердискурсивная адаптация текста: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 89 с.
3. Ионова С. В. Интерпретация как вид вторичной текстовой деятельности // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2008. №1(7). С. 6–11.
4. Ионова С. В. Внутренняя форма текста и способы ее экспликации // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2007. №6. С. 14–20.

5. Гоголь Н. В. В чем же наконец существо русской поэзии и ее особенность / Собр. соч. в 6-ти тт. Т. 6. М., 1953. С. 369–409.
6. Гаспаров М. Л. Басни Эзопа. М.: Наука, 1968. 320 с.
7. Гаспаров М. Л. Федр. Бабрий. Басни. М.: Изд. АН СССР, 1962.
8. Холиямб // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Институт науч. инф-ции по обществ. наукам РАН: Интелвак, 2001. 1596 с.
9. Jean de La Fontaine. Le Lion et le Rat. URL: https://poesie.webnet.fr/lesgrandsclassiques/poemes/jean_de_la_fontaine/le_lion_et_le_rat
10. Толстой Л. Н. Лев и мышь. Собр. соч. в 22-х тт. М.: Художественная литература, 1982. Т. 10. С. 17–18.
11. Крылов И. А. Полное собрание сочинений. Т. 3. Басни, стихотворения, письма. М: Гослитиздат, 1945. 619 с.
12. Виноградов В. В. Язык и стиль басен Крылова // Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. 388 с.
13. Виноградов В. В. Просторечие как основа литературной речи в басенном языке И. А. Крылова. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высш. шк., 1982. С. 238–246.
14. Αἰσώπος. 135 μῦθοι του Αἰσώπου. Ἀγκυρα, 2013. URL: <https://www.malliaris.gr/135-%CE%9C%CE%A5%CE%98%CE%9F%CE%99-%CE%A4%CE%9F%CE%A5-%CE%91%CE%99%CE%A3%CE%A9%CE%A0%CE%9F%CE%A5-978-960-547-101-9>
15. Αἰσώπος, Τροβᾶς Διονύσιος Α. Αἰσώπου μῦθοι. Παρισιάνου Α. Ε., 2020. URL: <https://www.bookworld.gr/gr/book/bkid/248940/aisopou-muthoi>

Поступила в редакцию 20.10.2021 г

TEXT TRANSFORMATIONS IN THE PROCESS OF INTERCULTURAL TRANSFER (ON THE EXAMPLE OF AESOP'S FABLE "THE LION AND THE MOUSE")

© M. A. Nikolaidi

*Pushkin State Russian Language Institute
6 Academician Volgin Street, 117485 Moscow, Russia.*

*Phone: +7 (962) 902 47 54.
Email: nikolaidimaria1@gmail.com*

In modern linguistics, such a direction of research as cultural transfer has become actualized, the main methods of which are the processes of adaptation and interpretation. Adaptation is the adaptation of the text to the conditions of its functioning, and interpretation is the rethinking of the text. The original fable of Aesop "The Lion and the Mouse" and its textual variants belonging to ancient and Russian cultures were used as material for the analysis. As ancient versions of the fable, the texts of the ancient Roman poet-fabulist Phaedrus and the ancient Greek fabulist Babrius were used. In addition, during the analysis, the text of La Fontaine's fable was used. The fable "The Lion and the Mouse" was translated into Russian by many writers, the most famous among whom are L. N. Tolstoy and I. A. Krylov. In the case of Aesop's fables, the specificity of intercultural transfer is that the original texts of the author did not survive, but came down to us in a retelling. There is a large temporal distance between the writing of the texts of Aesop and I. A. Krylov; therefore, the Russian fabulist had to not only adapt the original text to Russian realities, but also give the world-famous text uniqueness and national flavor. Due to the fact that I. A. Krylov interpreted the original plot and message of the fable in his own way: he changed its plot, endowed its characters with specific linguistic characteristics, and also created the image of the author, akin to the reader, he managed to create a unique text that is perceived by Russian readers as their own historical and cultural phenomenon.

Keywords: fable, text transformations, intercultural transfer, adaptation, interpretation, genre transformation.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Lobacheva D. V. Vestnik Tomskogo gos. ped. un-ta. Seriya 3: Literaturovedenie, 2010. No. 8. Pp. 23–27.
2. D'yakova A. A. Interdiskursivnaya adaptatsiya teksta: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2009.
3. Ionova S. V. Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 2: Yazykoznanie. 2008. No. 1(7). Pp. 6–11.
4. Ionova S. V. Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 2: Yazykoznanie. 2007. No. 6. Pp. 14–20.
5. Gogol' N. V. V chem zhe nakonets sushchestvo russkoi poezii i ee osobennost' [What, finally, is the essence of Russian poetry and its peculiarity] / Sobr. soch. v 6-ti tt. Vol. 6. Moscow, 1953. Pp. 369–409.
6. Gasparov M. L. Basni Ezopa [Aesop's fables]. M: Nauka, 1968.
7. Gasparov M. L. Fedr. Babrii. Basni [Phaedrus. Babrius. Fables]. Moscow: Izd. AN SSSR, 1962.
8. Kholiyamb. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii. Ed. A. N. Nikolyukina. Intelvak, 2001.
9. Jean de La Fontaine. Le Lion et le Rat. URL: https://poesie.webnet.fr/lesgrandsclassiques/poemes/jean_de_la_fontaine/le_lion_et_le_rat
10. Tolstoi L. N. Lev i mysh'. Sobr. soch. v 22-kh tt. [The lion and the mouse. Collected works in 22 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1982. Vol. 10. Pp. 17–18.
11. Krylov I. A. Polnoe sobranie sochinenii. Vol. 3. Basni, stikhotvoreniya, pis'ma [Complete works. Vol. 3. Fables, poems, letters]. M: Goslitizdat, 1945.
12. Vinogradov V. V. Yazyk i stil' russkikh pisatelei. Ot Karamzina do Gogolya. Moscow: Nauka, 1990.
13. Vinogradov V. V. Prostorechie kak osnova literaturnoi rechi v basennom yazyke I. A. Krylova. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVP–XIX vv. Moscow: Vyssh. shk., 1982. Pp. 238–246.
14. Αἰσώπος. 135 μύθοι του Αἰσώπου. Ἀγκυρά, 2013. URL: <https://www.malliaris.gr/135-%CE%9C%CE%A5%CE%98%CE%9F%CE%99-%CE%A4%CE%9F%CE%A5-%CE%91%CE%99%CE%A3%CE%A9%CE%A0%CE%9F%CE%A5-978-960-547-101-9>
15. Αἰσώπος, Τροβιάς Διονύσιος Α. Αἰσώπου μύθοι. Παρισιάνου Α. Ε., 2020. URL: <https://www.bookworld.gr/gr/book/bkid/248940/aisopou-muthoi>

Received 20.10.2021.